

Таким образом, плодотворное общение двух «провинциальных» критиков оказалось взаимно полезным: И. Дедков написал глубокую книгу, показавшую, как развитие областного самосознания ведет к укрупнению «народной мысли», а, в конечном счете, и всего государства, особенно в переломные годы его существования, а Н. Яновский получил хороший стимул для дальнейшей работы не только по изучению сибирского самосознания в XIX – нач. XX вв., но и по просвещению, пропаганде этих идей в общероссийском масштабе. Дальнейшие пути обоих критиков срифмовались с эпохой «перестройки», освобождением от догм. Н. Яновский написал книгу воспоминаний (издана в 1991 г.) о людях далеко не советского менталитета, как, например, встреченный им во времена своей «беломорской» ссылки поэт Г. Оболдуев (в книге также воспоминания о К. Урманове, Н. Анове, Л. Азадовской и др.), а у И. Дедкова вышла посмертная книга статей «Любить? Ненавидеть? Что дальше?» (издана в 1995 г.), полная полемики с постперестроечными явлениями. Такими оказались судьбы людей, работавших в «одном русле» осмысления такого огромного и важного явления, как «провинциальная», а на самом деле коренная, глубинная, подлинная русская литература.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. 272 (Н.Н. Яновский). – Оп. 1. – Д. 45.
2. Дедков И.А. Во все концы дорога далека. Литературно-критические очерки и статьи. – Ярославль : Верхне-Волжское издательство, 1981.
3. Дедков И.А. Возвращение к себе. – М. : Современник, 1978.
4. Дедков И.А. Дневник. 1953–1994. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005.
5. Дедков И.А. Сергей Залыгин. – М. : Современник, 1985.
6. Дедков И. Страницы деревенской жизни (полемические заметки) // Новый мир. – 1969. – № 3. – С. 245.
7. Дедков И.А. Эта земля и это небо. Очерки. Заметки. Интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994. – Кострома : Костромаиздат, 2005.
8. Залыгин С. О ненаписанных рассказах. Литературно-критические статьи. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1961.
9. Чупринин С.И. Критика – это критики. Проблемы и портреты. – М. : Советский писатель, 1988.
10. Яновский Н.Н. Поиск. Литературно-критические статьи. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1979.
11. Яновский Н.Н. С веком наравне. Основные тенденции развития современной русской прозы. – Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1965.

EVOLUTION OF SIBERIAN THEME IN THE CREATIVE WORKS OF I. DEDKOV: FROM V. ASTAFJEV TO S ZALYGIN AND N. YANOVSKIJ

V.N. Yarantsev

The article analyses I. Dedkov's perception of the creative works by Siberian writers: V. Astafjev, V. Rasputin, V. Shukshin and others. Special attention is paid to his creative relationships with N.N. Yanovskij, who greatly influenced Dedkov's perception of the Siberian theme.

People of the sixties, country prose, literary critique, literature magazines, Siberian identity.

Статья поступила 25.04.2012

УДК 82 Дедков

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.А. ДЕДКОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ю.В. Лебедев

Критическое и публицистическое творчество И.А. Дедкова рассматривается в контексте традиций русской классической литературы, противостоящей бездуховности, меркантилизму, нравственному одичанию.

Русская литература, человек, мораль, интеллигенция, духовные противоречия, гуманитарные дисциплины.

Для тех, кто следил за творчеством Игоря Александровича Дедкова, не могло пройти незамеченным, что в преддверии «перестройки» он всё более энергично и настойчиво стал защищать подлинность живой жизни от идеологических и литературных химер, претендующих эту подлинность стусевать, приукрасить, подменить. Голос Дедкова-критика обретал силу как голос снизу, от лица той жизни, которая «безмолвствовала», которую не замечала, над которой «духовно воспаряла» «новая волна» российских интеллектуалов. Эта жизнь низовой, безбрежно широкой, но скудной и нищей России настойчиво стучалась

в двери литературы, но протискивалась в них уже с трудом: ее гнали, как Золушку с аристократического бала, ей уже не хватало места на «элитарном» пиру.

Дедкова настораживало намечавшееся в нашей литературе тяготение к возвышенно-эпическому, монументально-непоколебимому. Он опасался, что в своих «воспарениях» мы упускаем «действительные потребности жизни», действительные ее настроения, живые, самостоятельные, непредусмотренные и неучтенные голоса. Весь XX в. прошел под знаменами идеологических битв, фанатических возбуждений, партийных спаек, в которых вычиталась за ненадобностью человеческая индивидуальность, и голос единицы становился «тоньше писка». Дедков откликался на тонкий голос подавленной, но живой еще единичности, он к нему прислушивался и ему доверял.

Вспоминая о традиции Л.Н. Толстого, начинавшего, по словам А.А. Фета, «писать историю с сорочки, то есть с рубахи, которая к телу ближе», Дедков убеждал нас, что хорошая литература считает единицами: она интегрирует жизнь, погружаясь в индивидуальные судьбы частных людей, в те «дифференциалы истории», на плечи которых падает самое тяжелое бремя национальной жизни. Именно такую литературу критик приветствовал в лучших произведениях Ф. Абрамова и В. Распутина, В. Белова и В. Астафьева, В. Богомолова и В. Кондратьева, В. Быкова и С. Залыгина... К голосу этой литературы он призывал нас прислушиваться, к ее художественным обобщениям он относился вдумчиво и бережно, внимательно вчитывался в каждую строку, ревниво следя за судьбами ее героев.

Но все чаще и все настойчивее Дедков утверждал, что *«жизнь и человек нуждаются в защите от другой литературы»*, которая не сознает своей ответственности перед народом и историей [1, с. 239]. Он с тревогой писал о литературе, провозгласившей идеалом нового, «амбивалентного» героя (еще десятилетие – и этот герой усядется хозяином в руководящие кресла). В герое этом уже тогда Дедков нашел столько «свободы», что с добрым чувством вспомнил о «несвободе ясных и сильных чувств, о несвободе определенности и ответственности» [1, с. 304]. Он заметил, что в нашей литературе «пробивается, “оперяется” новая “концепция человека”, ориентированная якобы на “новую” мораль... Словно то, что было главным и определяющим для человека и общества, перестало им быть и взамен образовалось что-то иное, более “живое”, подвижное, эластичное, менее категорическое, менее узкое, раскрепощенное... Пришли другие герои, говорят нам, искатели и носители новой нравственности, ваши старые тысячелетние фонари им больше не светят... И вообще ваша героическая, “категорическая” фразеология им наскучила...» [1, с. 195].

Персонаж одноактной пьесы А. Ремеза «Что-нибудь одно» говорит: «Выбор! Ненавижу... Если бы можно было отменять слова, я бы первым делом отменил слово “выбор”. Неужели ты не чувствуешь – как это страшно, как жестоко... Но ведь все давно привыкли: сделал выбор – молодчина, он сильный, у него воля есть... Бред! Я хочу быть безвольным, я хочу быть слабым! Выбирать – значить обкрадывать себя... Выбор – это убийство, это самоубийство» [1, с. 196].

Что вызывает в герое Ремеза такую жестокость, откуда она возникает и почему? Да потому, полагает Дедков, что нравственные принципы чрезвычайно требовательны к человеку, но на них «держится сам небесный свод, без них все смешается, рухнет, исчезнет мера человека и его дел...». С совестью жить трудно, а без совести легко. Вспомним сказку Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть». Когда она, докучная, пропала, люди стали чувствовать себя бодрее и свободнее. «Легче сделался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее льстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. Всякую *болезнь* вдруг как рукой сняло; люди не шли, а как будто неслись; ничто не огорчало их, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее – все, казалось, так и отдавалось им в руки, – им, счастливым, не заметившим о пропаже совести... Оставалось только смотреть на божий мир и радоваться: мудрые мира поняли, что они, наконец, освободились от последнего ига, которое затрудняло их движения, и, разумеется, поспешили воспользоваться плодами этой свободы» [3, с. 13–14].

А куда привела и чем завершилась эта «свобода» «сильных мира», «элиты», как они вслед за Раскольниковым ныне себя величают? Она завершилась тем, что «люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось всеобщее разорение» [3, с. 14].

В ельцинскую смуту Дедков признался: «В брежневские времена я думал, что стоит издать “Архипелаг ГУЛАГ” сверхмассовым тиражом, – на бумаге потоньше, а шрифтом помельче да поплотнее, – и однажды прекрасным утром распахать по почтовым ящикам, и страну будет не узнать, и вся эта опостылевшая власть падет.

Теперь изданы и “Архипелаг”, и все остальное, и много еще сверх, о чем и не мечталось: и Бердяев, и Розанов, и Федотов, и даже Ильин, и все-все, ходившие во врагах революции и отечества.

И жизнь переменилась, и власть рассыпалась <...>. Жизнь переменилась, и пока я писал эту статью, она *переменилась еще больше, настолько больше, что впору мечтать о какой-то такой книге, чтобы можно было разнести ее по почтовым ящикам, и вся страна успокоилась, и сказала бы себе: хватит, пора остановиться»* (курсив мой. – Ю.Л.) [2, с. 33–34].

«Если с утра до вечера внушать согражданам, что до нынешних апостолов рынка и денег <...> ничего достойного в этой диковинной стране не было, а только сплошная глупость, абсурд, разрушение,

рабство, торжество агентов германского Генштаба, происки, мирового сионизма, ленивое равнодушие одних, кровавые преступления других, то можно и преуспеть. Черный лист – в своем роде тоже лист чистый. На черном фоне гораздо легче выглядеть личностью светлой и даже светлейшей. И спасителем отечества. И светочем мысли. И большим храбрецом. И самым большим патриотом. И даже, к слову сказать, замечательным писателем.

И – выглядят» [2, с. 50].

Ведь это в психологии предателей – попытка самооправдания любой ценой: «Берегись прошлое, мы срываем свое зло на тебе!» «Победители тоталитаризма, – имя им легион, откуда и взялись? – обожают мрачные истории: чем беспрощетнее, тем лучше, чем зловоннее и чернее чертова яма прошлого, тем белее их свежестиранные одежды и ослепительнее деяния» [2, с. 126].

«Ужасная история, убогая страна?! Перефразируем поэта: “не знали, как еще ослабить...”

Наверное, в любом доме, городском или деревенском, перелистывая семейный альбом или подведя к стене, где в самодельной рамке вся уже выцветшая, плохо проявленная и плохо закрепленная человеческая жизнь, – родные и близкие лица! – от рождения до гробовой доски, редко кто скажет худое, небрежное об ушедших и живущих, и всегда найдется, что вспомнить: где работал, воевал, строил, как любил, страдал, жил... Как был нужен...

Вот и выйдет: не напрасна каждая жизнь, каждое дело и каждое страдание, но – напрасно, впустую, без смысла жили страна и народ?» [2, с. 60].

«Как заведено в нашем отечестве, – писал Дедков, – одна крайность (жесткая опека и подчинение) сменена другой (безразличием). И не только к молодым людям, но к российским пространствам, где не хватает врачей, учителей, тех же юристов и т.д. Новое солнце пытаются зажечь для России – деньги, и новый внедрить закон: каждый за себя, один Бог – за всех, нового навязать героя – человека, извлекающего прибыль из несчастий своих сограждан и своей страны...» [2, с. 7].

«Без малого 160 лет назад Томас Карлейль, в симпатиях к коммунизму не замеченный, о двигателе жизни выразился так: “Денежный мешок Маммоны”, в сущности, “самое худшее и низменное из всех знамен и символов власти среди людей; и оно возможно только во времена всеобщего атеизма и неверия во все, за исключением грубой силы и чувственности; гордость происхождением, чиновная гордость, любая другая возможная гордость лучше гордости кошельком”» [2, с. 53].

В 70-х гг. XIX в., когда Россия переживала трудные годы перехода на стезю буржуазного развития, чуткие русские писатели поняли, что темным началам человеческой природы, на которые опирается этот порядок, для успешного, не катастрофического его существования нужна система духовных противовесов. Как птице для полета необходимы два крыла, так и буржуазному обществу необходимо сильное духовное противостояние. Миссию этого противостояния должна нести народная школа с циклом хорошо поставленных в ней гуманитарных предметов, церковь и родная литература.

Эти уроки прошлого умышленно забыты нашими реформаторами. Почему? Да потому, утверждал И. Дедков, что «знание прошлого отягощает. Оно усложняет то, что кажется самоочевидным. Исписанный, испещренный жизнью людей лист неприятен. Он не позволяет развернуться; мешает всем, кто сильно спешит. Молодой телекомментатор, крайне удивленный тем, что его собеседник не в восторге от проектируемой купли-продажи земли, искренне недоумевает: “Неужели вам лично не хочется иметь свой кусок земли?” <...> В самом деле, сколько еще всего нужно поделить-распродать? Неужели вам не хочется иметь свой кусок леса, озера, морского побережья? Или кусок реки с проплывающей невзначай рыбой, или всю реку? Это ведь только глупые люди из дореволюционного прошлого упрямо твердили, что земля общая, но принадлежит тем, кто ее обрабатывает» [2, с. 53–54].

Не худо бы вспомнить ныне, что протестантское представление о «священном и неприкосновенном праве собственности», которое пытаются навязать нам властвующие либералы, еще в XVIII в. оспаривал православный святитель Тихон Задонский: «Все богачи – приставники и приказчики Божии, а не хозяева, – говорил он. – Бог один хозяин и господин всякого добра и богатства, и кому хочет, дает его и дает на общую пользу» [5, с. 16].

Так всякая ли собственность «священна и неприкосновенна»? Нет, далеко не всякая. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что от пристрастия к деньгам рождаются хищения, вражды, брани и споры. «Жорыстолюбцев надлежало бы изгнать из вселенной как губителей и волков. Ибо подобно тому, как противные и сильные ветры, подув на тихое море, до основания его потрясают и чрез сие в глубине находящийся песок смешивают с горными волнами, так и люди, жадные к деньгам, все приводят в совершенное расстройство. Человек жадный к деньгам не знает ни одного друга. Что я говорю друга? Он не знает даже самого Бога; ибо, будучи одержим этою страстью, он приходит в неистовство» [4, с. 67].

Сребролюбцами «ниспровергнуто все, от неистовой любви к деньгам все погибло. Ибо не знаю кого, кого стану винить; до такой степени сие зло овладело всеми, – правда, одними в большей, другими в меньшей мере, однако – всеми. И подобно тому, как сильный огонь, будучи брошен в лес, все ниспровергает и опустошает, так и эта страсть погубляет вселенную: цари, правители, частные люди, нищие,

женщины, мужчины, дети, – все в равной мере поработились сему злу. Как будто вследствие того, что какой-то мрак обуял вселенную, никто не выходит из опьянения» [4, с. 67].

Картина, нарисованная здесь Иоанном Златоустом, жившим в IV в., удивительно современна. Она, как компас, показывает нам решительное уклонение от христианских начал, охватившее всю современную цивилизацию, имеющую претензию считать себя христианской. Переживаемый ныне всем миром кризис – прямое следствие соскальзывания этой цивилизации с христианских на языческие пути.

«Я не осуждаю тех, которые имеют дома, поля, деньги, слуг, а только хочу, чтобы они владели всем этим осмотрительно и надлежащим образом, – поучает святитель Иоанн Златоуст. – Каким надлежащим образом? – Как следует господам, а не рабам; то есть владеть богатством, а не так, чтобы оно владело нами, употреблять его, а не злоупотреблять. Деньги для того и существуют, чтобы мы употребляли их на необходимые потребности, а не берегли их: это свойственно рабу, а то – господину. Стеречь – дело раба, а издерживать – дело господина, имеющего на то полную власть. Ты не для того получаешь деньги, чтобы закапывать их в землю, а чтобы разделять с другими. Если бы Бог хотел, чтобы они были сбережены, то не давал бы их людям, а оставил бы их навсегда лежать в земле. Но как Он хочет, чтобы они были издерживаемы, то и дозволил нам иметь их, – для разделения друг с другом. Если же мы удерживаем их у себя, то мы уже – не господа их. А если ты для того удерживаешь их, чтобы умножить, то для этого самое лучшее средство – расточать их и всюду раздавать. Да и не может быть прихода без расхода, или богатства – без издержек» [4, с. 8–9].

Поэтизируя власть земли в одноименном цикле очерков, почитаемый И. А. Дедковым настоящий русский демократ Глеб Успенский утверждал, что этой властью даже душа крестьянина не может и не должна исчерпываться. Власть «земли» без власти «неба» заводит народ или в дебри зоологического индивидуализма, или в пустыни безропотной покорности. Власть земли формирует в народных характерах два типа: на одном полюсе – безропотный, терпеливый Платон Каратаев, на другом – хищник-мироед. И когда над крестьянином безраздельно царит «земля», между этими типами с неизбежностью возникает непримиримая вражда. Тогда весь организм общинной жизни расстраивается, порождая расслоение между богатыми и бедными, взаимную ненависть между ними.

Но в старой деревенской общине существовал третий тип, третья фигура, которую автор «Власти земли» называет «народной интеллигенцией». «Тип ее, – говорит Успенский, – был тип *Божия угодника*. Но это не тот угодник, который, угождая Богу, заберется в дебрь или взлезет на столб и стоит на нем тридцать лет. Нет, *наш народный* угодник хоть и отказывается от мирских забот, но живет только для мира. Он мирской работник, он постоянно в толпе, в народе и не разглагольствует, а делает в самом деле дело» [6, с. 126].

«Эта интеллигенция “угодников Божиих” внесла в народную русскую массу бездну всевозможной нравственной и физической опрятности (посты, браки в известное время года и т. д.). Но главное-то – они старались «развить эгоистическое сердце человека в сердце *всескорбящее*...» [6, с. 171]. Воспитанием народной интеллигенции занималась старая народная школа. В этой школе учили «строгости» к самому себе и к ближним вопреки той «правде дремучего леса», в которой народ вынужден был жить. «Эта школа учила необходимости в житейских отношениях нести убыток – подавать нищим, убогим, жертвовать на храм». Такую школу «народ почитал за серьезную, гораздо более серьезную, чем теперешняя...» В старой школе «всякий знал, что из рыданий псалмопевца “не сошьешь шубы”». Тем не менее псалмы «долбили, и плакали, и наказывали за неумение выдолбить, потому что видели нравственную необходимость глядеть на себя и на окружающих не с одной только точки зрения дремучего леса» [6, с. 172].

«Вот эту-то божескую правду народ и считал важною в старинной ... школе. Теперь же, когда времена значительно изменились, – этой высшей точки зрения на окружающее и нет в современной школе. Нет той науки о *высшей правде*, которая бы дала *теперь* человеку возможность сказать себе, что справедливо и что нет, что можно и что нельзя, что ведет к гибели и что спасает от нее» [6, с. 172].

«А чего ждут сегодня после всех разочарований, после долгой власти утопии? – спрашивал уже Игорь Дедков своих современников и отвечал. – Если верить популярной рекламе искомого, долгожданного героя наших дней, то первейшее его измерение – способность делать деньги, и следует ждать от такого передового человека прежде всего денег, и как можно больше.

Это, конечно, небольшая новость, и с риском прослыть ретроградом хочется робко спросить: а за что деньги? Или не имеет значения, за что? И следует ли ждать от человека еще чего-нибудь, что невыразимо в деньгах?» [2, с. 64].

Но со всех экранов – один припев: «“банки”, “биржи”, “брокерские места”... Промелькнут в промежутке золоченые купола, колокола, святые отцы... И где-то за кадром – искусство, как истощавшая птица в вольере, ждущая прокорма от благодетеля-филантропа, именуемого ныне спонсором, который то ли сообразовал, то ли нет. А еще дальше, в кромешной уже глубине жизни тихие сельские библиотеки, бедные деревенские школы...» [2, с. 75].

Понимаем ли мы, что без надежного крыла высокой нравственности и глубокой духовности Россия, как птица, у которой на полном лету перебили крыло, обречена удариться о грешную землю и разбиться?..

К сожалению, наша либеральная власть этого не понимает. Только таким непониманием можно объяснить резкое сокращение учебных часов на преподавание литературы и других гуманитарных дисциплин в современных школе, вузе; введение, вопреки массовым протестам учительской и писательской общественности, нелепых тестов вместо творческих сочинений по литературе на едином государственном экзамене; пренебрежительное отношение власти к писательским и другим творческим союзам, положение которых ныне нельзя не признать катастрофическим; неоправданно высокие цены на книгу; сокращение тиражей на издание научных собраний сочинений наших классиков; усечение набора в вузы по филологической специальности в три раза; неуклонное нравственное разложение народа с помощью телевидения...

Вот почему как завещание и как призыв звучат ныне слова Игоря Дедкова, обращенные к нам, его современникам: «И хотя пели: “И вся-то наша жизнь и есть борьба”, я оставляю это слово в покое: до “борьбы” я никогда не дотягивал, надо было иметь другой характер, но слова “противостояние” и “сопротивление” с прибавкой: “духовное”, “нравственное” я осмеливаюсь применить, чтобы как-то определить линию поведения свою и своих дорогих друзей и товарищей, которых я узнал в Костроме» [2, с. 8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дедков Игорь. Живое лицо времени. Очерки прозы семидесятых-восьмидесятых. – М., 1986.
2. Дедков Игорь. Любить? Ненавидеть? Что ещё?.. Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. – М., 1995.
3. Салтыков-Щедрин. Собр. соч.: в 20 т. – Т. 16, кн. 1. – М., 1974.
4. Св. Иоанн Златоуст. Собрание поучений: в 2 т. – Т. 2. – М., 1993.
5. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. – М., 1996. – С. 180.
6. Успенский Г. И. Собр. соч.: в 9 т. – Т. 5. – М., 1956.

CREATIVE HERITAGE OF I.A. DEDKOV AND MODERNITY

Y.V.Lebedev

Critical and journalistic work of I.A. Dedkov is viewed in the context of the traditions of Russian classical literature, which is opposed to spiritual impoverishment and mercantilism.

Russian literature, human being, morale, intelligentsia, spiritual contradictions, humanities.

Статья поступила 25.04.2012

УДК 82.09

ЛЕВОЕ ИСКУССТВО И БРЕМЯ СВОБОДЫ: И.А. ДЕДКОВ О ПРОТЕСТНОЙ КУЛЬТУРЕ

С.А. Яковлев

Протестные акции 2012 г. побуждают автора к размышлениям о существовании так называемого левого искусства. Осмысление его методов и форм И.А. Дедковым позволяет снять с критика «незаслуженные обвинения в консерватизме вкусов» и традиционализме.

Протестные настроения, социокультурная акция, левое искусство, культура, политика, художник.

...Нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных.

А.С. Пушкин. О журнальной критике.

Казалось бы, пустячный эпизод с панк-группой «Pussy Riot»* неловкими стараниями церкви и власти вырос до масштабов катастрофического перелома, развилки, поставившей перед страной судьбоносный выбор: двигаться ли вперед по пути, проложенному мировой и – в последние два века – русской культурой,

© Яковлев С.А., 2012.

* 21 февраля 2012 г. пять солисток этой группы в ярких одеяниях и скрывающих лица шапках с прорезями для глаз вошли в храм Христа Спасителя, развернули звукоусиливающую аппаратуру и пропели молитву «Богородица, Путина прогони», отплясывая прямо перед царскими вратами. Охрана и возмущенные прихожане выставили молодых женщин из храма. Вскоре по подозрению в причастности к этой акции были арестованы Мария Алехина, Надежда Толоконникова и Екатерина Самуцевич (две из них – матери малолетних детей). Международная правозащитная организация «Amnesty International» признала содержащихся под стражей участниц панк-группы «Pussy Riot» узниками совести.

Группа впервые заявила о своем существовании 7 ноября 2011 г., в день празднования Октябрьской революции. Судя по заявлениям участников группы, их акции носят вполне осознанный политический характер: «Мы относим себя к неавтоитарным левым... Мы хотели бы, чтобы в России набрала силу левая, социал-демократическая партия скандинавского типа» (Блог феминистской панк-группы «Pussy Riot». URL: <http://pussy-riot.livejournal.com/2498.html>).